

Разработанная схема структуры информационного кластера представлена на рис. 1.

Массовое производство в XX столетии, базирующееся на вертикальной интеграции, использовании преимущественно машинного оборудования и правил работы, предполагающих жесткую иерархию и детальное разделение труда, достигло своего критического уровня. Чтобы лучше отвечать меняющимся требованиям рынков, компании применяют новые пути организации промышленной деятельности, предусматривающие аутсорсинг производства в соответствии с диверсифицированными межфирменными связями с поставщиками, субподрядчиками и потребителями. Такой подход может быть реализован при создании информационных кластеров, формирующихся на определенных территориях ЕС и Беларуси из числа предприятий и компаний, которые способны выполнять разные функции, будучи объединенными с помощью информационных технологий, результатом которых является конечный конкурентоспособный продукт, созданный усилиями всех участников процесса.

#### **Список использованных источников**

1. Бекетов, Н. В. Современные тенденции развития науки и инновационной деятельности / Н. В. Бекетов // Проблемы совр. экон. — 2005. — № 3 (15). — С. 365–368.
2. Баранов, А. М. Информационные факторы формирования сетевой интеграции в экономическом пространстве России и Беларуси / А. М. Баранов // Проблемы безопасности рос. об-ва. — 2014. — № 1. — С. 122–131.
3. Баранов, А. М. Формирование информационной экономики Республики Беларусь: новые перспективы развития / А. М. Баранов // Вестн. эконом. интеграции. — 2015. — № 2. — С. 88–94.

#### **ЕВРОПЕЙСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ Б. ОБАМЫ: ИТОГИ ДВУХ АДМИНИСТРАЦИЙ (2009–2016 гг.)**

*О. М. Бычковская, к.и.н., общественное объединение «Центр изучения внешней политики и безопасности», исследователь*

«Европейский Союз делает Британию еще сильнее», — констатировал Б. Обама во время трехдневного визита в Великобританию в апреле 2016 г. Президент Соединенных Штатов призвал британцев

сказать Европе «да» на предстоящем референдуме и увеличить свой вклад в НАТО [1]. Мэр г. Лондона Б. Джонсон возразил, назвав такую позицию «лицемерной», и указал, что система ЕС чужда американским традициям [2].

Как представляется, такого рода вербальная и невербальная полемика между США и «особым партнером» Великобританией является частью более широкой дискуссии между США и Европейским Союзом о перспективах развития трансатлантического сообщества. Насколько прочен «нерушимый альянс» США и европейских стран? Не нарастают ли внутри него противоречия, которые могут ослабить способность членов атлантического блока своевременно и эффективно реагировать на все более сложные международные вызовы? Что представляют собой проявившие себя расхождения в интересах стран-участниц: элементы цикличности отношений (традиционные «взлеты» и «падения» трансатлантических связей) или долгосрочную тенденцию, которая может свидетельствовать о грядущих структурных изменениях? [3, р. 2].

На фоне ожесточенной предвыборной кампании в США визит нынешнего руководителя Белого дома в Великобританию и Германию может служить своего рода индикатором состояния американо-европейских отношений. С учетом того, что это последний визит Б. Обамы в Западную Европу в качестве президента США, представляется хороший повод подвести итоги европейской политики двух его администраций (2009–2012, 2012–2016).

Рассмотрим три возможных подхода к осмыслению итогов деятельности руководства США на европейском направлении в годы правления Б. Обамы. Отметим, что в зависимости от избранной перспективы оценка разительно меняется.

**1. Восстановление атлантического единства** (*сопоставление ситуации «до» и «после»*). Главной темой европейского вектора политики США при первой администрации Б. Обамы стала необходимость налаживания полновесного диалога со странами–членами ЕС после «эпохи Буша», а также восстановление официально заявленного «стратегического партнерства» между ЕС и НАТО. Интересный факт: в начале 2009 г. американский президент был более популярен в ЕС (его поддерживали три европейца из четырех, или 77 %), чем в США (56 %) [4, р. 4]. «Кредит доверия», выданный европейскими государствами главе Белого дома, по прошествии двух сроков оказался в основном в достаточной степени оправдан. Если предыдущая республиканская администрация в середине 2000-х гг. успела не

только испортить отношения с европейскими правительствами, но и настроить против США значительную часть населения, то за годы правления Б. Обамы была проведена «работа над ошибками» и европейский курс значительно выправлен, особенно в части методов реализации внешней политики. Несмотря на то что при действиях второй демократической администрации имидж Б. Обамы и США в целом существенно ухудшился, трансатлантические отношения на сегодняшний день значительно более соответствуют логике партнерства, чем в 2008 г.

Наглядное подтверждение тому — реакция ЕС на украинский кризис. Европейские страны согласились на введение экономических санкций против России и выступили единым антироссийским фронтом, несмотря на то что потерпели существенный экономический урон. Повышение доверия в отношениях США и их европейских союзников нашло отражение также в ходе событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке, войны в Ливии, конфликта в Сирии. Во всех этих случаях США и европейские страны не всегда сразу, но достигали скоординированной позиции и демонстрировали способность действовать сообща, согласно правилам и логике традиционных связей.

**2. Увязание в трансатлантических разногласиях** (*сравнение желаемого и достигнутого*). С точки зрения сравнения желаемого в Вашингтоне и достигнутого по факту достижения американской политики последних восьми лет создают картину разительного контраста. Получив «вотум доверия» со стороны европейских государств, прагматично настроенная администрация Б. Обамы стремилась направить европейские ресурсы на стратегически выгодные США проекты. Вашингтон принял меры по возложению на союзников большей ответственности за контроль ситуации в европейском регионе и на Ближнем Востоке, потребовал более справедливого разделения расходов и рисков по поддержанию безопасности в Ираке и Афганистане, урегулированию конфликта в Сирии, активизировал усилия по проведению реформы НАТО и приданию ей глобальных функций посредством расширения спектра задач и традиционной «зоны ответственности».

В годы правления Б. Обамы США не удалось добиться от союзников более равномерного распределения расходов на оборону внутри трансатлантического союза. Большинство стран игнорировали целевой уровень военных расходов НАТО в 2 % ВВП (даже в контексте повышения тональности дискуссии в связи с украинским кризи-

сом). Несмотря на намеченные и озвученные планы по сокращению американского присутствия, США пришлось пойти на восстановление и расширение военной инфраструктуры в Восточной Европе, отрывая при этом ценные ресурсы от приоритетного азиатско-тихоокеанского направления. Основные расходы по «укреплению восточных рубежей» НАТО, проводимому в ответ на озабоченность Польши, стран Балтии и ряда других европейских стран в связи с «российской угрозой», легли на плечи США. В настоящее время Вашингтоном активно поднимается вопрос о том, что больший вклад в оборону должны вносить Швеция и Финляндия как страны, имеющие непосредственные связи с балтийским регионом. Наконец, несмотря на многолетние консультации и переговоры, перспективы Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства, задуманного как институт согласованного регулирования экономической деятельности внутри западного сообщества, остаются туманными.

Таким образом, практический вклад стран — членов ЕС в реализацию глобальной стратегии США формирует отнюдь не радужную картину. Задача правящей администрации снизить бремя международных обязательств, все менее совместимых с ресурсами США, а также укрепить позиции в глобальной экономике посредством модификации правил в региональной торговой системе не увенчалась успехом. Согласовать позиции внутри Европейского Союза, большую часть которого, казалось бы, составляют союзники США со схожим уровнем экономического развития и совпадающими интересами в мировой экономике и международной политике, оказалось малореалистичным. Таким образом, достижения европейской политики Б. Обамы включают тактические успехи, приводящие к увязанию в малозначимых частностях, в то время как общая линия размывается. На общем фоне успешного образа трансатлантического единства вскрывается несбалансированный характер отношений.

**3. Разумная ограниченность, или «максимум из возможного»** (*соотнесение ожиданий с реальностью*). При данном подходе речь идет о конвертации экономического превосходства США в политическое влияние и возможности мобилизовать европейских союзников в собственных интересах. В условиях финансового кризиса и подъема новых центров силы страны — члены ЕС стали рассматриваться как имеющие наибольшее значение для разделения расходов и рисков по выстраиванию глобального порядка, ориентированного на США.

Доктринально провозглашенный в 2012 г. администрацией Б. Обамы стратегический «разворот в Азию» стал переломным в трансатлантических отношениях: внести вклад в тихоокеанскую политику Вашингтон активно пригласил и европейских союзников. В 2013 г. министр обороны США Л. Панетта призвал ЕС к более широкому взгляду на географию деятельности Североатлантического альянса: «Европа не должна опасаться нашего „переконфигурирования“ в сторону Азии, Европа должна присоединиться к нему» [5]. Подобный посыл стал квинтэссенцией болезненного раскола в трансатлантическом союзе. Поскольку США имеют глобальные интересы и ответственность, а их европейские союзники — преимущественно региональные, это противоречие стало источником расхождений в отношении расширения географической и функциональной «сферы ответственности» НАТО. В сфере геополитики и безопасности европейцев мало тревожат далекие угрозы в бассейне Тихого океана, их гораздо больше беспокоит, что происходит в непосредственной близости от ЕС — на границах с Россией и на Ближнем Востоке. В отличие от ЕС США обладают статусом тихоокеанской державы. Если американские силы передового базирования размещены в ряде стран АТР, то из европейских государств лишь Франция располагает небольшими силами в Тихоокеанском бассейне (базы на Таити и в Новой Каледонии). При этом всего 13 из 28 стран — членов НАТО обладают военно-морскими силами, способными действовать в океане. Очевидно, что максимум, на что способны в АТР европейские союзники США, — это символическое военное присутствие.

Можно предположить, что потенциальная роль Европы заключается не в предоставлении военной помощи США в выстраивании нового международного порядка в Тихом океане, а в том, чтобы при необходимости включиться в дипломатическую и, главное, экономическую блокаду Китая. При этом для Китая Европейский Союз является торговым партнером номер один, а для ЕС Китай — второй торговый партнер после США. Поскольку антикитайские санкции неизбежно нанесут значительный урон европейской экономике, Европейский Союз в случае американо-китайского столкновения неизбежно пройдет «испытание Азией», выбирая между атлантической солидарностью и экономическим прагматизмом. Какой путь изберут европейские союзники — вопрос для более глубокого анализа. Однако с точки зрения разумного прагматизма очевидно, что европейская политика Б. Обамы во многом направлена на то, чтобы дилемма была решена Евросоюзом в пользу США как свое-

го основного военно-политического союзника и экономического партнера.

Таким образом, рассмотрены различные подходы к осмыслению итогов деятельности администраций Б. Обамы на европейском направлении. Если первый подход к обобщению результатов демонстрирует пример безоговорочного успеха европейской политики США, второй рисует картину неудачи американской стратегии, то соотнесение текущей ситуации с вероятными альтернативами вносит элемент сдержанности в оценку. Европейская политика администраций Б. Обамы способна принести Вашингтону практические результаты в глобальном контексте, предотвратив возникновение новых угроз со стороны Китая. В данном ракурсе критика американского президента за уступчивость и «мягкотелость» не представляется обоснованной. Реалистичный подход показывает, что многочисленные скидки союзникам со стороны демократических администраций Б. Обамы были инвестициями в удержание целостности трансатлантического союза, тактическими уступками с целью повышения уровня вовлеченности в решение стратегически важных для США задач.

#### **Список использованных источников**

1. Barack Obama: As your friend, let me say that the EU makes Britain even greater, London, 23 April 2016 [Electronic resource] // The Telegraph. — 2016. — Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/04/21/as-your-friend-let-me-tell-you-that-the-eu-makes-britain-even-gr/>. — Date of access: 01.05.2016.
2. Barack Obama visit: Stick with EU, US president urges UK, 22 April 2016 [Electronic resource] // BBC News. — 2016. — Mode of access: <http://www.bbc.com/news/uk-england-36108184>. — Date of access: 01.05.2016.
3. *Wickett, X.* Transatlantic Rifts: Asia-Pacific Scenario Case Study / X. Wickett, J. Parakilas; The Royal Inst. of Intern. Affairs Chatham House. — London: Chatham House Press, 2016. — 15 p. — (Research Paper : US and the Americas Programme, Feb. 2016).
4. Transatlantic Trends: Key Findings 2009 / The Germ. Marshall Fund of the US [et al.] — Washington, DC: GMF, 2009. — 32 p.
5. Panetta: NATO needs to join U.S. rebalance to Asia-Pacific (London, King's College, 18 Jan. 2013) // Defense News. — 2013. — Mode of access: <http://www.defensenews.com/story/defense/archives/2013/01/18/panetta-nato-needs-to-join-u-s-rebalance-to-asia/78530666/>. — Date of access: 01.05.2016.